

Бикбарда (12.07.2015)

(Все фото – **Марина Чжан**, Пермь)

Берёза в священной роще у д. Барабан

Священная роща буйских (закамских) удмуртов

Деревья в священной роще

Жительницы д. Барабан (все фото – *Марина Чжан*, Пермь)

Чайковский

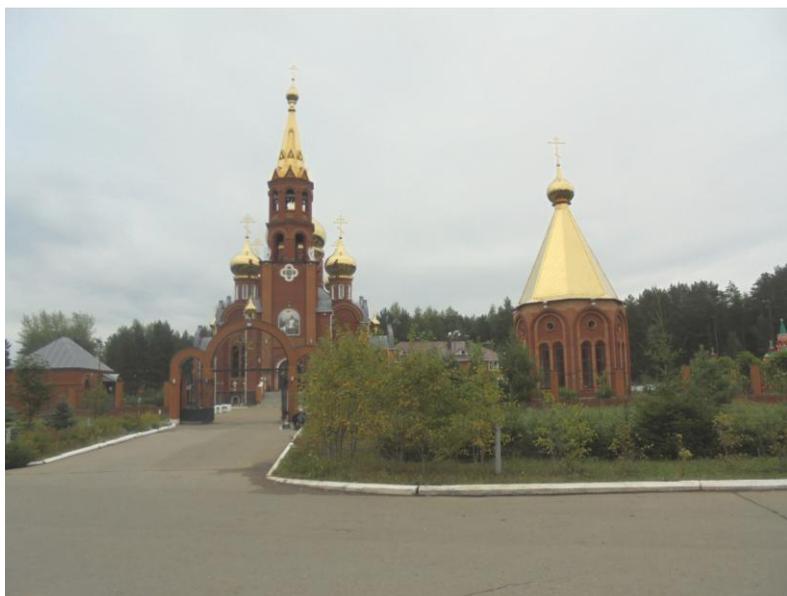

(2.09.2018, все фото – **Марина Чжан**, Пермь)

(Фото – **Ал. Тимшин**, Пермь)

(Все фото – **Марина Чжан**, Пермь)

Завод Михайловский (2.09.2018)

(Все фото – **Марина Чжан**, Пермь)

(Все фото – **Ал. Тимшин**, Пермь)

Вместо Послесловия

Творческий Ильинский

11 октября 2020 г. – новая поездка творческого "коллектива" «Человек и Мир, на этот раз в славный посёлок Ильинский, место последней столицы имений Строгановых, где и до сих пор всё дышит их памятью. Совершили чудесную неторопливую прогулку по старинному центру,

заслушиваясь (как песней, заслушиваясь) подробнейшими рассказами нашего «проводника» по миру земли Строгановской, Максима Килунина, да со смакованием разных тонкостей, выковыриванием «изюминок» из «сдобной булки» рассказа. Думаю, все полны искреннего восхищения подобным мастерством, вдумчивым отношением и сердечным вчувствованием в предмет приложения сил своих. Сердечную встречу приятственную узрели и на себе почувствовали и в стенах библиотеки, что в бывшем доме семьи Теплоуховых ныне обретается, и в саду, обустроенном да взращённом любовно и неравнодушно.

Побывали и в *Кузьминке*, посетовав на «особо-охраняемость» оной, хорошо, хоть статус сей не даёт пока разным хищникам здесь угнездиться, прихавнув кус-другой мест заповедных. Забор вот, однако, новый возвели, что же до остального... Но верим в хорошее. Да, с такой верой и уехали обратно в библиотеку.

Подкрепились в столовой *Трапеза*, что рядом с невзорванными красной заразой остатками собора местного – храма Ильи Пророка, что в названии сего места увековечен. Зато другая сохранившаяся церковь (бывшая единоверческая) пролила бальзам на душу – даже тем, кто в этого бога не совсем верит, но чтит красоту и уважение имеет к культуре и памяти народной (церковь возведена тщанием и средствами местного доброхота из крестьян крепостных).

Внимательно слушали рассказ о социальной политике владельцев-Строгановых, о немалых пенсиях (это крепостным-то крестьянам да работникам!), об устройстве быта, жилищной программе, образовательной, лечебной, о поддержке талантам, коими земля полнится, об их продвижении... Несть числа новым фактам, если к ним по-человечески, не классово-чуждо подходить, да своим умом раскинуть. А позже читаю (в путеводителе *Кама*) о тяжёлой эксплуатации подневольного бедного крепостного трудящегося под гнётом угнетателей Строгановых и о поддержке (безоговорочной, разумеется) ими т.наз. советской власти (на самом деле, без откровенного вранья, лившегося на наши головы долгие годы, да и посейчас не изжитого, "социалистическую" революцию местный народ почти не поддерживал, задавили после уже...). Получилась весьма положительная поездка, приятная во всех отношениях (в том числе, и по приложению своих творческих сил).

(Автор текста – *Ал. Тимшин*, Пермь; фото – *Марина Чжан*, Пермь)

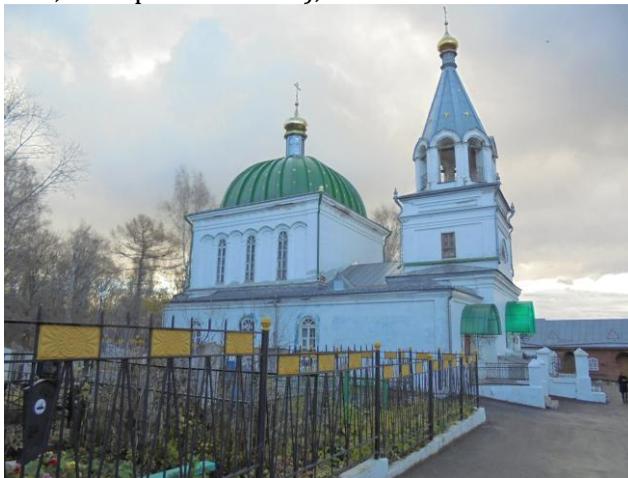
Диалог городов: Кунгур – Пермь

27 октября 2018 года состоялась наша (Творческого объединения «Человек и Мир» со товарищи, при организационных заслугах со стороны Орион-Тур и лично Калущких Екатерины Васильевны) поездка в город Кунгур для участия во Второй творческой встрече Диалог городов. С нашей стороны «диалога» – гости-авторы из Перми и Краснокамска с «сопровождающими лицами»; наши хозяева – уже знакомая нам и любимшаяся Библиотека № 6, авторы и их почитатели из Кунгура, а к коим и мы теперь уже можем и себя причислить (второй раз уже едем, знать, понравилось. Крики: взаимно!..). Наша творческая группа с утра ещё и туристическое сопровождение по полной программе получила, рассказ в пути, да посещение памятных мест кунгурских – храма Всех Святых с видом на озеро Карасье, «что в Засылвенской части города, ютится у подножия Ледяной горы...

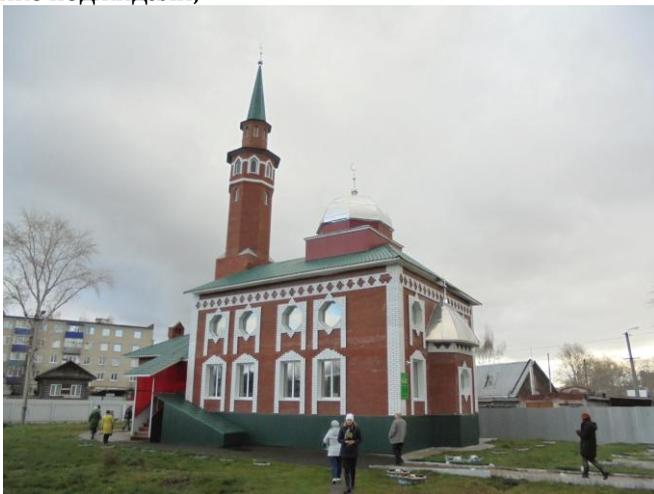
Сверху, со стороны Всехсвятского кладбища, по форме и по состоянию, (озеро) напоминает запутавшегося в тине головастика, готовящегося испустить дух. Берега заросли рогозом, осокой и кустарником. Подобраться к воде по крутому склону практически невозможно. Впрочем, «услугами» озера, раньше считавшегося рыбным, сейчас никто не пользуется», да впридачу, как пишет Юрий Купреев, ещё мусор со стороны кладбища аж до самого озера грудями лежит – от своих могил,

видать, отгрести – и со склона вниз побросали (а сколь такой «крысоты» у нас по Расеюшке безхозяйственной – «ни в сказке сказать, ни пером описать»);

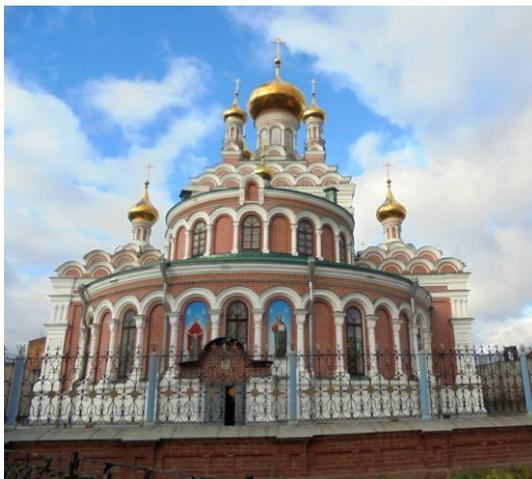

Храм Всех Святых

посетили и мечеть новенькую ещё, кое-кто из наших даже на экскурсию «внутри» рискнул, пока остальные скромно их во дворике поджидали;

вот и храм Иоанна Предтечи, всё великолепие коего враз открылось, по плану – обед в трапезной монастырской, осмотр храма – и марш-бросок до библиотеки приютливой.

Только себя в порядок гости привели – как уже и само действие началось. Нынешняя Встреча проходила под девизом «О самом дорогом...». Кратенькие приветственные слова (ведущие – те же), напутственные речи, представление «сторон» – и ...Слово от авторов из Кунгура, всяко-разно да с гитарами! «Великолепно!» Потом и мы своё Слово тоже «показали». Два часа с небольшим пролетели незаметно, поблагодарив друг друга и добрых хозяек из библиотеки, с торжественной, деловой части встречи плавно перетеклись на кулуарное, неформальное общение, да под угощение чайное с выпечкою-вкуснятиной...

(Автор текста и фото – **Ал. Тимшин**, Пермь)

Вопреки всему

Глава 1

Самолёт мягко опустился на землю и покатил по аэродрому СССР. Из иллюминаторов, был виден густой русский лес под слоем тяжёлого январского снега. Гавриил Ильич Мясников не отрывал от него пристального взгляда. Сердце его кольхалось радостным волнением от возвращения на Родину. Сколько времени он мечтал вернуться! Видел во снах рощи, поля, горы, реки, и неизменно каждый раз – свою семью, которую он всегда, неизменно вспоминал такой, какой видел её в последний раз - больше двадцати лет назад.

Наконец, самолёт остановился и от крыла протянулся трап. Когда до земли оставалось две или три ступени, Мясников вздрогнул и очнулся от своих мыслей. В сердце кольнуло чем-то острым, то был неосознанный страх, предчувствие неминуемой беды. Но отступить было уже поздно, и он лихо посмотрел перед собой. Рассветное Солнце тяжело повисло на облаках и осветило перед ним лица двух мужчин. Один из них держал в руках оружие, другой – наручники.

«Конец, – подумал Мясников, – хотя это с самого начала было похоже на ловушку. Но как же хотелось вернуться домой! В Россию. Впрочем, и не из таких передряг выбирались». И он смело шагнул навстречу мужчинам. Удивляясь своему внешнему спокойствию, он двигался прямо на них. Оба от неожиданности на мгновение остолбенели, но тут же оправились. Один из них сухо отчеканил:

- Гавриил Ильич Мясников, Вы арестованы.

В то же мгновение сильные руки схватили Мясникова и лишили возможности двигаться. Некоторое время он отчаянно сопротивлялся, хотя понимал, что преимущество на сей раз не на его стороне, а любые попытки вырваться бессмысленны. Его заковали в наручники и толкнули вперёд, к распахнутой дверце бронированной машины.

На протяжении всего пути никто не пытался заговорить с арестованным. Водитель с задержавшими Мясникова мужчинами обменивались короткими фразами, но смысл их не доходил до сознания Гавриила Ильича. Это походило на какой-то безумный сон, но арест был суровой реальностью.

Он не знал, сколько машина гнала до города. Под колёсами, по ощущениям, проезжали бесчисленные километры дороги. В закрытом со всех сторон отсеке без окон невозможно было даже примерно представить, что там проносится снаружи. Было холодно и неудобно, но ещё хуже было усиливавшееся волнение. Мясников уже не раз испытывал это ощущение пойманного в

капкан зверя, но никогда ещё он не думал о том, что не сможет выбраться из ловушки. А теперь предчувствие этого невыносимо давило на виски и кололо под рёбрами. Арестованному казалось, что прошла целая вечность с момента его посадки до того, как его втащили в хмурое кирпичное здание серого цвета.

Перед Мясниковым открылась тяжёлая дверь тесной комнаты. В первую секунду ему показалось, что он уже был здесь когда-то давно, даже кисловатый запах был до боли знакомым. Он и заставил Гавриила Ильича вспомнить десятки похожих пыльных помещений для допросов. В воздухе витала какая-то сырость вперемешку с потным духом и ощущением мрачной торжественности.

Сопровождавшие резко усадили мужчину в неудобное кресло и туго пристегнули ремнями его руки и ноги. Бежать было некуда, да и мысли такой уже не возникало. С момента ареста на Мясникова напала какая-то странная апатия. Кажется, впервые в своей жизни он допустил мысль о том, что он совершил ошибку и теперь вынужден расплачиваться за это. Подумав так, Гавриил Ильич тут же отогнал от себя чувство слабости. Нет, невозможно. Здесь что-то не так, и сейчас всё выяснится.

В России он ещё острее ощутил тоску по своей семье. Хотелось, чтобы закончился этот кошмар с арестом, и он мог свободно вернуться домой. Напротив Мясникова на стул опустился усталый мужчина с проблесками седины в волосах и мутными серыми глазами. Он медленно и спокойно представился, но имя и отчество тут же поблёкли в воспалённом мозгу арестованного. Так начался первый допрос. Как будто разговор длился уже час или два, следовательно спросил:

- Вследствие каких причин Вы бежали за границу?

Мясников начал отвечать. Его прерывали, заставляли повторять только что сказанное и записывали, записывали, записывали его слова, порой искажая смысл настолько, что выходило противоположное сказанному. Гавриил Ильич отвечал бойко, смело и откровенно, ожидая, что после этого недоразумение с арестом откроется, и его наконец-то отпустят домой свободным человеком.

После допроса Мясникова вывели из тесной душной комнаты и длинными катакомбами потащили до его одиночной камеры. Никто его освободить и не собирался.

- Вопросы есть?

- Могу я написать домой?

- Да, через четверть часа Вам принесут всё необходимое.

Мясников с мучительным вздохом опустился на нары. В голове не

было ни единой мысли. После допроса он испытывал какую-то опустошённость вместе с чувством унижения. Что теперь? Нет, нужно говорить со Сталиным. Определённо, вышла какая-то ошибка. На секунду Гавриил Ильич прикрыл глаза, и перед его внутренним взором поплыли давно забытые образы.

Глава 2

Гавриил Ильич родился в деревне Берёзовка Чистопольского уезда Казанской губернии. Отец вспоминался ловким подвижным человеком с тем удивительным насмешливым взглядом, который перешел и Гавриилу, Ганьке, как его звали с самого детства.

Илья Мясников занимался мелкой торговлей и даже держал лавку в деревне. Однако семья жила в ужасной нищете. Ганька, сколько себя помнил, всё время, что жил с родителями, помогал отцу. В памяти остались улицы, дома Берёзовки и пыльные дороги, по которым он бегал с поручениями.

Однажды отец обратился к нему с каким-то особенным блеском в глазах:

- Ганька, тебе надо учиться. Здесь школы нет, но мы отправим тебя в Чистополь. Там, благо, много родственников, ты не пропадёшь.

Ганьке тогда было восемь лет, но он уже считался смышлёным мальчишкой. Через несколько дней после разговора с родителем он стоял на пороге своего дома с мешком постельного белья. Отец запрягал лошадей.

Жизнь то у родственников, то у знакомых была голодной, хотя отец всеми силами пытался обеспечивать сына питанием и хотя бы самой простой одеждой. Каждый месяц он посылал Ганьке то мешок картошки, то хлеба, то какую-нибудь немудрящую одежду из того, что долго не мог продать даже за бесценок. Иногда отец присылал деньги, но совсем не много, и они быстро уходили, мальчик порой даже сам не знал, на что.

Но, несмотря на все трудности и лишения, учёба давалась мальчику легко, а всё свободное время он проводил среди сверстников. Был смелым, ловким и драчливым, чем всегда заслуживал лихой авторитет у других ребят. Постоянные драки вынуждали отца периодически менять квартиру, то есть угол с кроватью, сыну. Впрочем, это нисколько не смущало юного заводилу, и на новом месте он был так же задирист, как и прежде.

К тринадцати годам, когда позади была ремесленная школа, парень вырос сильным, смелым и закалённым для суровой взрослой жизни. Он с самого детства почувствовал в себе некую особенность

притягивать и зажигать людей. Ещё мальчишкой, он придумывал и осуществлял с помощью ребят такие сумасшедшие выходки, что многим взрослым и в голову бы не пришло. Улица научила его быстро принимать решения и заражать других своими идеями. В бойких карих глазах, временами становившихся угольно чёрными, всегда плясали озорные чёртики. А раз, попав под влияние этого смутьяна, невозможно было уже не слушаться его во всё.

Обладая недюжинным природным умом, Мясников быстро всё постигал и понимал, а многие вопросы решал как-то по-своему.

После ремесленной школы парень не захотел возвращаться домой в Берёзовку, чем вызвал негодование отца, рассчитывавшего на выросшего помощника. А когда сын отказался вернуться, Илья Мясников перестал помогать ему. Так началась его самостоятельная жизнь.

Мясников начал батрачить на одного частного хозяйчика. Условия жизни стали ещё хуже, чем во время учёбы, и Ганька всеми силами души захотел иного существования. В своём воображении он рисовал лучший мир, справедливый и совершенный. Но ещё чаще он думал о том, как бы ему хотелось жить. Не в этих холодных и сырых комнатах, с мыслями только о том, как достать кусок хлеба, а в своём доме, с семьёй и хозяйством. В таких мечтах он засыпал, а просыпался с решительными намерениями всё изменить. Отчаяние не могло его сломать, напротив, в ужасных условиях жизни он становился сильнее и физически, и духовно.

В Мотовилихе тогда нужны были рабочие руки. Узнав об этом, Мясников бросил всё и весной 1905 года прибыл туда первым парходом. Тогда ему было шестнадцать лет.

Глава 3

Минуты текли медленно, время как будто растянулось в два, в три раза. Наконец, дверь камеры приоткрылась, и Гавриил Ильич получил листок жёлтой рассыпавшейся бумаги и огрызок карандаша. Он придвинулся к столу и написал твёрдой рукой письмо жене. Он писал о своём невыносимом желании видеть её и сыновей.

Отложив исписанный листок, Мясников оглядел комнату. Это было тесное тёмное помещение с крошечным зарешёченным окном, у которого стоял стол и стул. Рядом громоздились нары, шконка, как называли это подобие кровати заключённые. Больше не было ничего. Вдоль комнату можно было пройти за три хороших шага, поперёк – за два. Только теперь он мог спокойно обдумать своё положение. Его не покидала уверенность в том, что произошла какая-то роковая ошибка, которая будет стоить

ему очень дорого, и, возможно, жизни.

Отдав послание дежурившему охраннику, Гавриил Ильич растянулся на нарах и забылся беспокойным сном. Сколько длилось беспмятство, он не знал, но очнулся от того, что кто-то будил его.

Молодой парень с чуть вьющимися русыми волосами тряс его за плечо. Когда Мясников открыл глаза, тот больно ударил его кулаком в живот. Взившись пружиной, Ганька бросился на обидчика, но его уже скрутили сзади сильные руки.

Снова промелькнули серые коридоры, и открылась дверь камеры для допросов. В тот день продолжали задавать вопросы о его жизни и деятельности за границей.

- Нам известно, что, будучи в Турции, вы установили связь с Троцким. Почему вы об этом «умалчиваете»? – с выражением лёгкой иронии спросил следователь.

- Не скрываю, что в Турции я встречался с Троцким, – спокойно проговорил Мясников.

- Покажите, при каких обстоятельствах вы установили с ним связь, – продолжал следователь всё тем же тоном.

И Мясников начал спокойно объяснять, как по прибытии в Стамбул он попал в полицейский участок, где с него взяли подписку, что никакой политической деятельностью он заниматься не будет. Тогда он узнал, где живёт Троцкий.

За этим последовали новые вопросы, которым, казалось, не будет конца. Мясников был по-прежнему спокоен и отвечал со свойственной ему искренностью. Он смело смотрел своими бойкими и, как прежде, живыми глазами прямо в душу следователю, но внутри у того давно уже погасло всё, что когда-то могло гореть. Глаза Мясникова натыкались на эту глухую стену, каждый раз, когда он по привычке с жаром говорил о своих идеях и намерениях. Однако всему когда-нибудь приходит конец, кончился и поток похожих друг на друга вопросов.

Что-то упало на пол камеры, и Мясников на секунду отвлёкся от того, что он говорил, но новый вопрос заставил его вернуться в русло этого странного и как будто когда-то уже происходившего разговора.

- А на антисоветскую работу разве вы не получали от него субсидий? – речь шла о том, что Троцкий дважды давал Мясникову деньги на его личные нужды.

- Нет, не получал.

На этом допрос закончился, и Гавриила Ильича проводили в его камеру. В качестве обеда ему дали какой-то пустой суп, но привыкший

к голодовкам заключённый был как будто равнодушен к этому. После еды он снова почувствовал душевную пустоту. Одиночество уже давно стало ему привычным, но прежде он всегда мог действовать, а теперь всё было иначе. Он в задумчивости обошёл камеру и вернулся к мыслям о своей юности. Теперь это было единственное, что могло его занять.

Выплыло воспоминание о дне его первого приезда в Мотовилиху. По сравнению с Чистополем, Мотовилиха была настоящим городом. Цеха заводов работали на полную мощность, потому что ещё не кончилась война с Японией. Гавриила приняли учеником слесаря в снарядный цех, где он быстро освоился. Здесь он по привычке представился Ганькой, так его все и стали называть.

На заводе в то время процветали и усиливались революционные настроения. Большевики тогда изо всех сил боролись с меньшевиками и эсерами. Ганька с первых дней попал в гущу политических событий. Сначала ему были близки эсеровские взгляды, и он вступил в их партию, но вскоре обнаружил, что ему импонируют идеи социал-демократов, и стал членом РСДРП(б). С того момента началась его настоящая политическая и партийная деятельность. Революция захватила Мясникова. В поисках правды он очертя голову бросался в огонь политической жизни. Он бывал на всех собраниях, и всегда задавал пропагандистам множество вопросов. Легко всё запоминал и при этом умудрялся смешить всех вокруг своими выходками и гримасами. Ребячливость смешивалась в нём с каким-то взрослым пониманием жизни и того, как всё должно быть устроено, а это не могло никого оставить равнодушным.

Глава 4

Было тихо и одиноко. Он думал о своих товарищах и воображал, как бы теперь говорил с ними. Вдруг дверь камеры открылась и тут же захлопнулась. На пороге стояли три человека. Один из них был веснушчатый мужчиной лет тридцати-сорока в суконной гимнастёрке тёмно-защитного цвета и тёмно-синих шароварах. Двое других, стоявших по правую и левую сторону от него, были в гимнастёрках из лёгкой ткани защитного цвета и шароварах защитного цвета.

Мясников встал, веснушчатый сделал шаг вперёд и заговорил:

- Мне необходимо довести до Вашего сведения, что Ваша просьба о свидании с женой не может быть удовлетворена, пока идёт следствие. Кроме того, устроить аудиенцию со Сталиным представляется невозможным, так как на это нет высшего распоряжения.

Мясников хотел возразить, броситься на этих сытых глупых людей,

но те тут же вышли из камеры, захлопнув перед ним дверь. Положение было безвыходное, хотя Гавриил Ильич упорно не хотел в это верить. Он ясно понял, что жёлтый обрывок бумаги, на котором он писал своей жене, никто ей и не собирался передавать и что теперь от него уже ничего не зависит.

Он на секунду прислонился к стене, но тут же оторвался и начал ходить из угла в угол. Физическое ощущение своего тела, ног и суставов привело его в чувство, и он стал делать шаги реже и в какой-то задумчивости. Автобиография была уже давно написана, но отчего же его не отпускали события прошлой жизни?

Ганька Мясников участвовал в декабрьском вооружённом восстании в Мотовилихе в 1905 году. Как вчера, он помнил тот снежный день, когда холодное зимнее солнце сначала слепило глаза, а потом вдруг исчезло за тяжёлыми тучами. Он состоял в боевой дружине А.М. Лбова, хорошо известного на Урале революционера. Острое чувство справедливости своих требований давало каждому бунтовщику столько сил, сколько им не приходилось тратить и за год невыносимой заводской работы. В самом воздухе витало ощущение, что по-прежнему никогда уже не будет. Будет по-другому, возможно, ещё хуже, хотя в это все откладывались верить, но лишь бы не так, как раньше.

Мясников помогал строить баррикады и разоружать охрану, у которой было отобрано двенадцать револьверов. Один из них достался Ганьке. Они стреляли из одного дома с другими рабочими по казакам и убили двоих. Когда дом был разгромлен, Мясникова схватили и избили до полусмерти. В его памяти смешалось всё: копыта лошадей, кровавый снег и эти бесконечные злые, сосредоточенные лица.

Сильный и внезапный удар нагайки сбил его с ног. На него полетела мостовая, и через мгновение пронзительная боль от удара по голове лишила его сознания. Очнулся Мясников в заводской больнице. Как он впоследствии вспоминал, один из участников восстания, В.Т. Фролов помог ему до неё добраться.

После восстания в Пермь приехал Яков Свердлов, чтобы восстановить разрушенную организацию большевиков. Выполняя его поручения, Мясников был арестован в числе других пятидесяти четырёх человек. Его осудили на два года и восемь месяцев каторжных работ. Но Гавриил Ильич не растерялся. Прибыв на место, он продал всё, что у него было, даже арестантскую одежду, купил лодку и сбежал. Ушёл из-под носа царской полиции. Его ловили, он сбегал, его снова ловили, и он сбегал. Берега, сёла, деревни и города сменялись один

за другим. Ганьке часто везло. Находил себе немудрящее пропитание, иногда ненадолго оставался в небольших городах, чтобы заработать батрачеством и снова пуститься в путь, конца которому не было видно. Однообразие скитальческой жизни не пугало его. Напротив, теперь он мог посвятить себя духовным изысканиям. Книги в его заплечном мешке менялись одна за другой, и неизменной спутницей была только Библия. Перечитывая раз за разом Ветхий и Новый завет, он задавался всё большим количеством вопросов, которые порой не давали ему покоя даже по ночам.

Погоня за Мясниковым длилась до 1913 года, когда его арестовали и по приговору Тифлисской судебной палаты за принадлежность к партии большевиков приговорили к шести годам заключения, а за побеги – к трём годам каторжных работ. Закончились скитания, но они уже сделали Ганьку другим человеком. Понимая всё своим мужицким умом, не обременённым системным образованием, Гавриил Ильич приходил к неожиданным выводам и всё больше убеждался в том, что социализм – лучшее, что может быть для простого рабочего человека. Но никаких действий он теперь не мог совершать, ведь до марта 1917 года сидел в Орловской каторжной тюрьме.

Глава 5

Через неделю после ареста Мясникова снова ожидал допрос. К этому времени на его столе громоздились книги из тюремной библиотеки – единственное, что можно было держать у себя заключённым. Гавриил Ильич по-прежнему не сомневался в том, что его отпустят и позволят заниматься партийной деятельностью. Он так и заявил на одном из допросов, чем вызвал короткую ухмылку на лице следователя.

В конце марта 1917 года, когда революция выпустила из тюрем тысячи заключённых, Мясников вернулся в Мотовилиху. Теперь он решительно бросился в очаг революционной борьбы.

Ганька вернулся на завод, чтобы продолжать работать, но теперь все его усилия были направлены на создание новой жизни и светлого будущего, которое уже казалось таким близким. Он брался за любую партийную работу, будь то митинг или собрание. Здесь начал раскрываться его талант оратора. Этот дар в сочетании с нарочито неряшливой мужицкой внешностью действовали на рабочих гипнотически. Многие, попав под его влияние, были готовы пойти вслед за Мясниковым в огонь и воду, и он это отлично понимал. Такое положение позволило Гавриилу Ильичу увериться в том, что ему было предначертано написать

свою главу в книге истории русского государства.

Никто не сомневался в неизбежности Октябрьского переворота, и поэтому подготовка шла полным ходом. Мясников был везде: выступал с неожиданными предложениями, критиковал всех и вся, чем порой наживал себе врагов и недоброжелателей. Но одно оставалось неизменным: в среде рабочих он был самым авторитетным лицом. «Если Ганька говорит, значит, так оно и есть», – так думали многие. Это льстило ему и побуждало всё к новым активным действиям.

Мясников уже месяц был под следствием, но тягостное ощущение неопределённости будущего посещало его всё реже. Он уже не надеялся на скорейшую встречу с родными, но ещё ожидал, что, в конце концов, ему устроят аудиенцию со Сталиным. Более того, порой он просыпался с твёрдой уверенностью, что в этот день что-то изменится.

Но всё текло по-прежнему. Допросы происходили всё реже и реже. На последнем из них его спрашивали о созданной им «Рабочей группе», и после того он уже уверился в том, что не может более мечтать о свободе в Советском государстве. Но это были лишь доводы рассудка, в душе же он ни на секунду не сомневался в том, что ещё не выполнил главного своего предназначения. Теперь его целью была свобода, но свободу он не мыслил без политических действий, и создание своей партии в России казалось ему самым верным и единственно возможным решением. Однако он был скован по рукам и ногам: не мог писать родным, заниматься литературой, да и вообще каким-то образом заявлять миру о своём существовании.

Глава 6

В марте с улицы повеяло мокрым снегом. Мясников теперь всё чаще видел солнце из окна своей камеры и всё реже – людей. На допросы после шестого числа его больше не уводили, и теперь единственный человек, которого он мог видеть, был охранник, приносивший ему пищу и воду.

Чтение не шло, а внутри всё больше поднималось возмущение против несправедливости, которой он подвергся, как какой-нибудь преступник.

Вспоминая о своей прошлой жизни, он в который раз обратился к одному из самых неоднозначных событий, которое он так часто передумывал, но всегда приходил к одному и тому же решению: иначе он поступить не имел права.

Когда Мясников случайно узнал о приезде в Пермь Михаила Романа, он был поражён тем, что от него, члена ВЦИКа, скрыли такую важную новость. Он нутром чуял, что такое событие не может ми-

новать его судьбы, тем более, если от него этот факт пытались утаить. «Что-то здесь не так, – думал он. – Возможно, они боятся, что с моей стороны последуют какие-то действия. Но почему Романову дана полная свобода? Почему? Неужели они не считают его возможным контрреволюционером? Тем более что это фактически единственный человек, который в нынешнем положении может стать императором, если контрреволюция повернёт историю вспять. Конечно, это невозможно. Но нельзя же так рисковать!»

Мысли об этом не давали Ганьке покоя ни днём, ни ночью, пока не нашлось решение: если власти не могут сами справиться с императорской угрозой и оставляют Романова на свободе, значит, они хотят, чтобы рабочие сами разобрались с ним. Но при этом подобное действие будет преступлением, а не геройством, ведь официально Романов под защитой. Или ещё хуже: всё будет выглядеть так, будто это руководство партии организовало убийство. Такой исход будет не на пользу её репутации. Что же делать? Нельзя оставлять всё, как есть, но и открыто убить Романова невозможно. А если он сбежит? Что если он исчезнет из города и с глаз властей? Точно! Вот и решение! Если он не бежит, то его можно «бежать». Но нужны помощники, по самому малому расчёту – четыре человека.

Кто же это должен быть? Определённо, люди, обиженные царским режимом, с разрушенной им судьбой, но такие, на которых действительно можно будет положиться. Преданные революции и верные Гавриилу Ильичу.

Такие нашлись. Первым, кого выбрал Гавриил Ильич, был Николай Жужгов – мотовилихинский рабочий, который пережил семь лет каторги, испытал все её ужасы, и теперь был озлоблен, но вместе с тем холоден и расчётлив. Остановить решительность такого человека было невозможно, и вместе с тем он не был настолько импульсивен, чтобы позволить себе сколько-нибудь необдуманный поступок.

«Кто же будет второй?» – думал Гавриил Ильич. Василий Иванченко. Он тоже мотовилихинский рабочий, переживший каторгу. В 1906 году был арестован за убийство двух казаков, а вернулся в 1917 году. За его внешней мягкостью скрывается стальная твёрдость и смелость.

«Кто ещё двое?» Андрей Марков подходит. В 1906 году он был в тюрьме, некоторое время сидел с Мясниковым. Он участвовал во всех боях Мотовилихи, озлоблен на царский режим и, уж конечно, не подведёт. И ещё Иван Колпащиков. Он, хотя и не коренной мотовилихинец, но пойдёт за Мясниковым куда угодно, хоть на край света. Бесстрашный и умный. Он тоже был в тюрьме, а потом ра-

ботал на заводе. Но Мясников знал, что на боевом посту, Колпашиков выполнял самые опасные задания.

Глава 7

В ту ночь решено было «бежать» Михаила Романова. Не оставалось никаких сомнений, все прежние пути были оборваны, и каждое мгновение приближало смерть этого человека. Теперь уже не оставалось дороги назад.

В последние дни Мясников работал на пределе своих сил, почти не ел и не спал, и всё время думал о предстоящем деле. Все дороги вели... нет, не в Рим. Теперь все дороги вели к Михаилу Романову. И ясно было, что это убийство развяжет руки властям для уничтожения всех Романовых.

В одиннадцать часов вечера к Михаилу Романову постучали. В Королёвских номерах* было тихо, и стук отозвался по всему коридору. Составленный Мясниковым мандат не убедил Михаила Александровича и его секретаря Джонсона, но у них не оставалось выбора. Романов отказывался ехать без своего секретаря, и Джонсон настаивал на том, что не может оставить императора. Нельзя было терять ни минуты, решили взять их обоих.

Какая-то женщина бросилась к телефону, но её увидел Колпашиков. Браунинг куда красноречивее любых увещеваний, и гражданочка вынуждена была скрыться за дверью комнаты. Михаил Александрович, конечно, понимал по тону и лицам нежданных гостей, что его ведут на смерть, но теперь он не бал хозяином себе.

Из-за секретаря Джонсона Мясников остался без лошади и вынужден был доверить дело своим товарищам. Они не подведут, это ясно. Но если что-то пойдёт не по плану, что тогда? Смогут ли они так же решительно импровизировать, как действовать по плану? Придётся довериться, другого выхода нет.

Да, Джонсон расстроил дело. Или нет? Как только лошади повернули за сквер, на горизонте появились два председателя из ЧК – Сорокин и Малков. Теперь с ними предстоит разговор, да такой, чтобы они сами себе предпочли откусить языки, чем хоть кому-то сказать о том, что они здесь видели. Они послушают товарища Мясникова и всё сделают, как нужно.

Уже разосланы повсюду телеграммы о том, что Михаил Романов бежал. Прекрасно.

Мучительное ожидание кончается стуком в дверь. Вернулись! Всё благополучно? Да. Кончено, теперь уже точно.

На следующий день Мясников проспал всех петухов, а когда про-

снулся, узнал, что все не на шутку перепуганы бегством Михаила Романова. Теперь, когда они поняли, как было бы ужасно, если бы последний российский император действительно совершил бегство, Мясников может признаться: «Это я его бежал».

За стеной камеры что-то стукнуло, и Гавриил Ильич отвлёкся от своих воспоминаний. «И они смеют обвинять меня в измене? В антисоветской деятельности? Да каждый из этих сопляков и десятой доли того, что я сделал для пролетариата, не осуществил. Они и пороку-то не нюхали, одни чернила своих протоколов и знают. Недостойно! Глупо и недостойно покоряться таким людям!»

После целого месяца, в течение которого Гавриил Ильич требовал письменные принадлежности для написания заявления, он их получил в виде всё того же огрызка карандаша и двух рассыпавшихся листов бумаги.

На одном из них Гавриил Ильич лёгким смелым почерком начал писать: «Наркоминделу В.В. Молотову. Заявление...» Он просил о возможности выезда за границу, в силу своих убеждений, которые препятствовали его свободному проживанию на родине.

Другой листок был адресован Наркому госбезопасности и содержал просьбу об условиях, которые позволили бы Гавриилу Мясникову видаться и переписываться с родными (что у него не отнимали ни при царском режиме, ни в прежних ссылках) и иметь письменные принадлежности для занятий литературным трудом.

** Королёвские номера – здание гостиницы, возведённой в Перми в 1910 году купцом В.И. Королёвым.*

Глава 8

Снова Гавриила Ильича захватила мучительная неизвестность. Он целыми днями ожидал отклика на свои заявления, но в ответ была только тишина. Как-то ночью сон не шёл, и заключённый решил походить по камере, чтобы физическая усталость притупила все остальные ощущения. Он обошёл раз, другой, но мысли становились всё мучительнее. Наконец, Мясников остановился посреди своей новой камеры и вслух сказал нарочито весёлым голосом:

- И не из таких переделок выбирались!

При этом его лицо на мгновение озарилось весёлой улыбкой никогда не унывающего человека, но тут же проблеск озорства в его глазах погас, и он снова пустился блуждающим взглядом по камере, но ни на чём не мог остановиться.

Всё это было уже видано много раз, и оттого на его плечи обрушилось ощущение какой-то вселенской усталости. Он почти фи-

зически почувствовал, как всё его существо пропиталось чем-то горьким и свинцовым, как бывает в моменты бессилия. Он рухнул на шконку и провалился в беспамятство.

Сколько оно длилось, Мясников не знал, но открыв глаза, он почувствовал нудную головную боль. За окошечком стало так темно, что невозможно было толком ничего разглядеть. Гавриил зажмурился, потом резко открыл глаза и припал к этой «замочной скважине», в которой можно было увидеть клочок свободы. Сначала он разглядел тёмно-синее небо, сливавшееся с чёрным забором и двором изолятора, потом на небе начали высветиваться одна за другой крошечные звёздочки.

«Как мелко и суетно почти всё, к чему стремится обыкновенный человек, – думал Мясников. – Пройдут года, и все на свете революции сотрутся в песок, оставив потомкам лишь жалкие факты. Да и те уже ничего им не скажут. Не будет уже тех вопросов, за которые мы грызли друг другу глотки. А звёзды будут по-прежнему далеки и загадочны. Они переживут не только человечество, но и всё, созданное им. Впрочем, я ударился в какую-то ненужную философию. Давно этого со мной не было».

Последняя мысль заставила его отвернуться от окошка. Вспомнился последний разговор с архиепископом Андроником*. Зачем тогда погубили этого глубокого и славного человека?

Мясников вспомнил свой разговор с архиепископом. Вопросы, которые появились у него, когда ещё в царской ссылке он раз за разом перечитывал Евангелие, теперь находили грамотные и обстоятельные ответы. Андроник поразил Мясникова своим умом, начитанностью и глубиной. И такого человека убьют? Этого нельзя допустить!

Гавриил Ильич сделал всё, что было в его силах, чтобы отменить смертный приговор, но его усилия были тщетны. Тот, кого обвиняли в подготовке вооружённого восстания, был обречён на самую жестокую расправу.

Было так темно, что он не мог разглядеть даже собственных рук, пока не подносил их к самым глазам. Темнота была и в его душе. Мясников нервно обошёл камеру, которая теперь, неизвестно на сколько, должна была стать его комнатой. Несмотря на поздний час, Гавриил Ильич не хотел спать. Мысль о тяжёлом беспамятстве заставила его содрогнуться.

В который раз он подумал о своей семье. Что-то теперь делает Даша? Где сейчас Юра, Боря и Дима? Гавриил Ильич пытался представить своих сыновей выросшими, взрослыми молодыми людьми, но вооб-

ражение подсовывало ему образы мальчишек, какими он их помнил. Мясникову не суждено было узнать уже никогда, что его сыновья погибли в Великой Отечественной войне. Для него они были живыми. И это заставляло его искать в своём воображении всё новые способы спасения из тюремной ловушки.

**Архиепископ Андроник (в миру Владимир Александрович Никольский); 1 (13) августа 1870, – 7 (20) июня 1918 – епископ Русской православной церкви, архиепископ Пермский и Кунгурский, расстрелян большевиками по ложному обвинению, причислен к лику святых.*

Глава 9

Ещё месяц тянулся бесконечно долго. Похожие друг на друга адские дни не приносили никакого разрешения, вообще ничего нового. Заявления Мясникова пылились где-то в бумажных потоках, которые в таких случаях ползут очень медленно и порой не достигают конечной цели.

Гавриил Ильич не спал ночами и всё думал, думал, думал. Пальцы мечтали зажать меж собой перо и писать, не прекращая, мучительно хотелось табаку, которого тоже не давали заключённым. Мысли Ганьки Мясникова путались, возвращая его в дни далёкого прошлого.

После убийства последнего российского императора Гавриил Ильич ещё больше уверился в своих силах. Теперь у него уже не оставалось сомнений в том, что ему предназначена некая великая миссия. Ну, что такое убийство царя? Лишь этап, вот то, что ожидало Ганьку впереди, казалось самым главным. Он только ждал возможности сказать своё слово эпохе, режиму и крепнувшей несправедливости, какую чувствовал особенно остро.

Многочисленные собрания, встречи и споры слились в памяти в однообразный поток бесконечных слов. На самом деле мало кто по-настоящему понимал идеи Ганьки, но те, кто осознавал их, видели в них угрозу партии, а то и стране. Подобные высказывания нельзя было допустить до ушей вышестоящих органов, тем более претворить в жизнь. И поэтому все мало-мальски толковые партийцы всеми способами препятствовали выступлениям Мясникова и его партийной деятельности. Но толпа Гавриила Ильича боготворила. Он же в ответ так же слепо и свято верил в силы пролетариата, который любой ценой выйдет из всех трудностей и станет по-настоящему свободным.

Однако свободные мысли и высказывания караются жестоко. Рабочим не то, что говорить, уже и шептать было нельзя. Такое положение дел возмущало Гавриила Ильича. Ощущая всем существ-

вом необходимость свободы слова, Ганька не боится говорить об этом открыто. Теперь уже ничто его не пугает.

Чтобы умирить пыл распоясавшегося мотовилихинца, его отправили в Москву с тем, чтобы там ему нашли новую область. Такая мера должна была сбить с него спесь и научить уморазуму, да и в другой области Гавриил Ильич не будет своим, а значит, не будет пользоваться столь активной поддержкой со стороны рабочего класса. Расчёт был верен, но в Москве, когда ему предложили партийную работу в Самаре и Рязани, Гавриил Ильич наотрез отказался и вернулся в Пермь.

За дверью камеры что-то ударило в стену и вывело Гавриила Ильича из глубокой задумчивости. Света почти не было. Крошечное оконце не могло пропустить достаточно лучей даже для такой небольшой камеры. Мясников приблизился к этому окну. Почти ничего не удалось разглядеть. Видимо, на улице был густой туман. Такой, который сравнивают с молоком. Здесь же, в пыльной и душной камере, он напомнил её узнику молочный кисель. Что-то тягучее, медленное и неповоротливое было за окном. Гавриил Ильич, в который раз обошёл эту комнату-пещеру, снова вслух посетовал на то, что ни бумаги, ни карандаша и тем более чернил у него нет, и растянулся на шконке.

Где-то была его семья, какой он её оставил много лет назад. Так ему казалось. Возможно, он не мог представить, что за время его скитаний могло что-то измениться. Но здесь даже самые светлые воспоминания, каких было немного, превращались в мучительную пытку.

Глава 10

Из-за окна уже не тянуло снежной сыростью. Дорожки давно впитывали солнце, а по воздуху разливалось ощущение приближающего лета. Но то было снаружи, а внутри камеры по-прежнему было скучно, пыльно и холодно.

В один из первых майских дней за Мясниковым снова пришли и поволокли его по тюремным катакомбам. Подобная активизация ничего хорошего не сулила, и Гавриил Ильич с некоторым волнением переступил порог уже знакомой комнаты для допросов.

Следователь устало посмотрел на Мясникова, когда тот опустил в кресло. И, как будто продолжая прерванную беседу, спросил:

- Чем вы занимались в «свободной» зоне Франции?

Мясников кивнул и заговорил:

- Через месяц после моего прибытия в Тулузу я был арестован французской полицией...

Около получаса Гавриила Ильича не прерывали. Секретарь быстро вёл протокол, а следователь изредка что-то отмечал остро точенным карандашом в своих записях. Наконец, Мясников замолчал. Одновременно с этим следователь отложил карандаш и внимательно посмотрел в глаза Гавриилу Ильичу. От этого взгляда обоим стало не по себе. Следователь, нервно вздрогнув, отвёл глаза, а Ганька резко осведомился:

- Какой ответ был дан на мои заявления?

Голос его прозвучал твёрдо и уверенно, но за вопросом последовало хмурое молчание. После несколько затянувшейся паузы следователь кивнул на Мясникова и приказал охранникам:

- Уведите.

Арестанта подхватили под руки и потащили по коридорам. Крепко держать его худые плечи не было никакой необходимости, но молодым здоровым парням как будто хотелось показать этому бунтарю своё превосходство.

Мясников вновь остался наедине с собой.

Нет! Это было невозможно. Мало того, что с ним обращались, как с последним преступником, так ещё и ответа на официальные заявления не последовало. Или ему намеренно не хотели сообщить резолюции?

Глава 11

Обыкновенно лето делало Мясникова ещё более живым и энергичным. Даже во время царской каторги с приближением летних месяцев в его угольных глазах появлялись солнечные блики, от чего взгляд становился ещё более завораживающим. Но теперь, в одиночной камере, куда почти не проникал свет, взор Гавриила Ильича потух. Лицо его осунулось, побледнело, и волосы покрылись перьями седины.

В жару каменное помещение накалялось так, что внутри было невозможно находиться. Постоянно мучила жажда. И только прохлада редких дождей на час-другой приносила успокоение.

В один из тех душных и пустых дней, когда пыль дорог залепляет глаза и трава клонится к земле, Гавриил Ильич снова почувствовал короткий и болезненный укол в сердце. Так же было, когда он спустился по трапу на землю, но Гавриил Ильич вспомнил совсем другой день. День, когда он впервые испытал эту боль предупреждения об опасности.

Напряжение нарастало очень долго, только Гавриил Ильич отчего-то не понимал, не чувствовал этого. Или знал и наоборот нарочно делал всё, чтобы лишний раз привлечь к себе внимание.

Ни одно собрание не обходилось без его жарких выступлений, которые были не по нраву властям, но так грели слух рабочих людей. У последних же он пользовался таким авторитетом, что однажды группа самых его преданных почитателей покинула зал собрания в знак протеста тому, что Ганьку не пустили на него. Тогда Мясников был уже исключён из партии.

Но он никогда не отчаивался и не сдавался. Любое, даже самое незначительное на первый взгляд событие, могло заставить Ганьку действовать с невероятной, почти фантастической самоотдачей.

Но теперь, в этой последней гавани своей жизни, Гавриил Ильич вспомнил день, когда его арестовали свои, большевики. Мясникова тревожило предчувствие, что во время ареста его могут «случайно израсходовать». Убийство такого опасного для партии человека легко сошло бы с рук его исполнителям. Зная это, Гавриил Ильич яростно сражался за свою свободу, но его всё же связали и доставили на вокзал Пермь II. В отдельном купе его везли в Москву. Когда Мясников понял, что его не собираются убивать, он успокоился и до конца пути вёл себя тихо.

Глава 12

Лето прошло тихо и безрадостно. Палящие солнечные лучи постепенно сошли на нет, их сменили холодные ветра и густое, закрытое тучами небо. Через крошечное окошко проникало всё меньше света, а по ночам всё чаще стали приходиться пугающие сновидения.

Когда кончился сентябрь, Гавриил Мясников начал думать о смерти. Никогда прежде он не позволял себе допускать подобные мысли, но теперь девятый месяц безнадежного заключения, тоска по прежней жизни и тяжёлые предчувствия взяли своё.

Он не был труслив. Всегда бросался в огонь, в самую гущу событий, будь то восстание или гражданская война; пережил сотни дней заключения, голодовок, лишений и скитаний. Но теперь путь как будто наметился, и отступить было некуда.

В середине октября состоялся ещё один допрос. Всё те же бессмысленные расспросы об эмиграции, о том, чего Гавриил Ильич хотел добиться, вернувшись на родину. А через пять дней был суд. Все доводы рассудка отскакивали, как шарики, от подготовленных фраз обвинения. Подсудимому был вынесен обвинительный приговор с высшей мерой наказания.

Ещё около месяца прошло почти без мыслей, без чувств и ощущений в одном только непрерывном ожидании конца. Каждый день с первыми лучами Солнца Гавриил Ильич с предательским биением сердца ждал,

что за ним придут. Томительно проходил час, другой, ему приносили пищу и воду, и он снова жил до конца дня.

Но в одну ночь он увидел во сне чёрного всадника, который увозил прочь его сыновей. На следующий день за Мясниковым пришли. В это мгновение у него в груди похолодело. Мир скомкался в одну точку. Прошлое оторвалось, будущего больше не было. Время сжалось до одного мгновения, в котором яркость красок резала глаз, а свежесть воздуха разрывала лёгкие.

Его вели на расстрел.

7.11.2017 (Автор – **Марина Щелканова**, Пермь, Советник и эксперт Конкурса)

Заратустрам

В слиянии рек построим Храм
Света, где встретится Добро и Зло;
стекаться люди будут к нам –
туда, где есть и Запад, и Восток,
где средоточье сил, вестей и тем:
о том, о сём, о разной жизни, бытии
Времён; воздвигнем прямо на скале
Обитель мудрых – наблюдать стихий
потоки, считать мерцанье звёзд
в ночи, встречать зарю и провожать
закат – и знания складывать под гнёт,
под спуд, чтоб, собирая, прозревать,
грядущих судеб начертать пути
и мудрым словом замостить Гать
людского страха чрез болота тьмы,
непониманья, разобщенья; след искать
во тьме; сменяясь, Звездочтец поёт
и Песней Весть Благоую по векам несёт.

22.08.2019 (Автор – Ал. Тимшин как **Светодар**, Пермь)

* * *

...ухитряемся проходить, медленно и кругами, по всем буеракам и тропам, ныряя по бывшей траве и коре, шагая меж сучьев упавших; обнимая стволы и здороваясь с ними – тем самым вбирая их силу-подпитку, тем самым к земле родной приобщаясь, – и дальше идём, вплетённые в край наш, сроднённые духом (и телом немного); нам краешек тайн приоткроют, нам чудных картинок покажут (и кое-что сможем запечатлеть для умеющих видеть, вам передать – для поддержки жизни дальнейшей)... 10.2021 – 18.03.2022

* * *

...и вроде б обо всём уж сказано – словами
всякими – красивейшими и не очень,
но каждый раз поэты, те, что с нами
рядом, те, что видят мир воочью
и могут нам поведать Красоту
в простой обыденности, просто в жизни,
глаза другим открыть – на то, на ту,
на тех и этих, вновь призвать к Отчизне,
к отношениям прекрасным, светлой
грусти навеять, от чего-то там предостеречь,
кого-то обличить, а, в целом – сделать веселей,
задумчивее, умиленней; разна речь
у всех, свои манеры, метод изложения...
лишь об одном всегда настаиваю я:
писать и пробуждать добро, иного мнения
у Искусства быть не может (иначе – мазня,
кубы, квадраты, посмаковистой да почерней);
цель вполне благая – звать, выдыхая Свет,
вперёд, вытаскивая из болота, а, верней,
жизнь украшать и славить. Разве нет?!.

2020 (Автор – Ал. Тимшин как **Светодар**, Пермь

Всем добра, Солнца и Свет в помощь!
(16.07.2018, фото – **Ал. Тимшин**, Пермь)

Литературно-художественное издание

Земля Пермская во времени и пространстве

Книга 2

Книга от корней –
все материалы представлены в авторской редакции
Составление и подготовка к изданию – *Ал. Тимшин*

Подписано в печать 09.09.2023

Усл. печ. л. 29,44

Издательский Дом ОРИОН, г. Пермь
Шеф-издатель – *Ал. Тимшин*, 89194430649

